

ДНЕВНИКИ М. М. ПРИШВИНА В КОНТЕКСТЕ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Ю. В. Розанов, Н. В. Попова

Вологодский государственный университет, Вологда

В статье рассматриваются дневники М. М. Пришвина в контексте дневниковой прозы писателей начала XX в. Учитывая тяготение авторов к жанрам документального характера, авторы выявляют основные черты дневников, выделяют основные формы, темы, жанры, обозначают особенности дневниковых записей писателя.

Ключевые слова: дневник, дневниковая проза, дневниковая форма, литературная традиция, документальный жанр, многожанровость, творческая история, самопознание.

Литературная культура первой половины XX в., особенно его символистского периода, характеризуется повышенным вниманием к документальным жанрам автобиографического характера: письмам, мемуарам, дневникам, записным книжкам, словом, «человеческим документам». Повышение онтологического статуса документального письма неизбежно вело к некоторым изменениям традиционной дневниковой формы, к расширению ее функциональности.

Считается, что ближайшими источниками этого феномена были два текста предшествующей эпохи — эпохи натурализма: «Дневник» Г. и Ж. Гонкуров (1851–1896) и «Дневник художницы» Марии Башкирцевой. Сюда можно добавить и дневник Ш. Бодлера «Мое обнаженное сердце» (рус. пер. — 1907).

Дневники в той или иной степени постоянства вели многие творческие люди, дышавшие, по определению В. Ходасевича, «воздухом символизма»: А. Блок, Андрей Белый, В. Брюсов, Ю. Верховский, З. Гиппиус, М. Кузмин, М. Пришвин, А. Ремизов, Б. Садовской, Ф. Сологуб, Г. Чулков, Эллис (Л. Л. Кобылинский) и др.

Авторы дневников крайне редко указывали и описывали мотивы, побудившие их начать регулярные записи. В этом плане они подчинялись общему тренду, моде, но были и характерные исключения. Эллис, один из самых последовательных и догматичных теоретиков символизма, на первых страницах своего дневника назвал сразу несколько резонов. «Вести дневник для меня необходимо... Это прекрасный способ фиксации мысли, следовательно, средство против *fuga ideorum* <страха идей>, к которой я более чем склонен <...> Это — упражнение в стиле, а стиль для меня всегда был и будет и высшей целью, и школой, и подвигом, и преступлением. <...> Мне нужно *забвение* <...> прежде всего, ибо я устал от бесконечности. А в ощупывании уже истлевшего, пережитого — лучший способ уйти от чего-то надвигающегося в будущем <...> Я не привык быть один... <...> Буду беседовать с самим собой» [15, с. 333–334].

Заметим, что большинство причин вести дневник для Эллиса имеет отношение к психотерапии, что нужно учитывать и у других авторов, но на первом месте все же «*фиксация мысли*». Как заметил учитель М. М. Пришвина В. В. Розанов, «мысли бывают разные». Действительно, одни авторы дневников склоняются к ярко выраженному философскому дискурсу, другие — к религиозному. К последнему можно отнести дневники Б. В. Шергина.

В литературной культуре Серебряного века разрабатывалась идея коллективного дневника или журнала-дневника в духе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского. Об этом свидетельствуют такие осуществленные и неосуществленные проекты, как «Дневники писателей» (1911), «Труды и дни» (1912), «Дневники писателей» под редакцией Ф. К. Сологуба (1914), «Записки мечтателей» (1919–1922).

В постреволюционные годы появились и новые стимулы. «Решаю снова вести дневник, — пишет А. Н. Бенуа 2 августа 1921 г., — хотя момент выбран не слишком удачно, ведь именно мы снова переживаем полосу террора и как раз всякие записи, зачастую совсем невинные, губят людей. Но столько интересного вокруг и на душе так томительно, что я не могу себе отказать в этой опасной поблажке» [1, с. 1]. Вместе с тем в это время продолжается и даже усиливается начатая еще символистами экспансия документализма в художественную литературу. «Новый исследователь, — писал В. Б. Шкловский в 1924 г., — должен сегодня поставить себе вопрос: что именно является сегодня русской литературой? И, вероятно, тогда в литературу войдут заметки, письма, записные книжки, мемуары...» [14, с. 212].¹

Среди многочисленных дневников писателей и мыслителей особенное место занимают уникальные дневники М. М. Пришвина. Они, являясь составляющей частью русской дневниковой традиции, представляют собой не только монолог, обращенный к самому себе, но и, подобно художественному произведению, потенциально раскрывают возможность дальнейшего прочтения широким кругом читателей.

Для дневника Пришвина характерно ежедневное ведение записей, часто в нем есть указание на дату записи, день недели. Иногда записи не датированы. Это свойственно, прежде всего, записям начала и конца календарного года. Для дневникового повествования Пришвина характерна четкая хронологичность, последовательность изображаемых событий. Однако периодичность ведения записей у Пришвина может и нарушаться.

¹ При этом Шкловский с большой осторожностью относился к использованию дневников писателей литературоведами. Им была осуждена попытка Б. М. Эйхенбаума ввести дневники Л. Н. Толстого в анализ «Войны и мира»: «Совершенно неправильно также пользоваться дневниками для выяснения пути создания произведений. Здесь есть скрытая ложь, будто писатель создает и пишет сам, а не вместе со своим жанром, со всей литературой, со всеми ее борющимися течениями. <...> Кроме того, дневники приводят нас к психологии творчества и вопросу о лаборатории гения. А нам нужна вещь» [14, с. 303].

Дневник Пришвина — многожанровое явление, представленное записными книжками, мемуарными записями, афоризмами, сновидениями, фенологическими наблюдениями, сказками, анекдотами, притчами и др.

Дневник как жанр уникален, он позволяет художнику выйти за пределы искусства, раскрыть тайны своей души, делает возможными идеологические высказывания, так как он не предназначался для печати. В СССР в сталинские годы дневниковый жанр становится потенциально опасным для авторов и их семей. Люди переставали вести дневники и уничтожали ранее написанные. Возможно, именно поэтому Пришвин их постоянно прятал. Тем не менее дневник Пришвина становится главным произведением его жизни, он является и дневником и художественным текстом одновременно.

Многие произведения писателя начинают свою творческую историю именно с дневниковых записей: «Лесная капель», «Натаска Ромки», «Глаза земли» и др. Пришвин открыл для себя уникальную методику творчества — записи мыслей на ходу, которые затем дома заносил в дневник; в основном это были миниатюры, которые впоследствии складывались в более крупные художественные формы, объединялись в многочисленные циклы. В дневнике 1940 г. Пришвин записал: «Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневник. Всё написанное можно потом складывать по записям, но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить. Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы или романа, поэмы. Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала, быть может, больше моей формой, чем всякая другая» [13, с. 186, запись от 10.06.1940].

Таким образом, связь с художественным творчеством — важная часть дневника писателя. В «Раннем дневнике» Пришвина обнаруживаются материалы для создания задуманного, но не осуществленного романа «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции». Это произведение о литературной, общественной, культурной и религиозной жизни начала XX в., о «цветущей трагической эпохе словесного творчества», как сам писатель называл начало века в России. Прототипами персонажей романа стали самые известные деятели описываемого времени: Мережковский, Легкобытов, Щетинин, Розанов, Ремизов, Блок, Белый и др.

Главный герой проходит через все философские и литературные увлечения, характерные для культурного человека его времени: старообрядчество семьи и страх перед концом света, марксизм, любовь в образе Прекрасной Дамы, Метерлинк, нищезанятие, богоискательство, декадентство. После разочарования в последнем он охарактеризует время символизма следующим образом: «Вы спросите меня, какие же цветы выросли на литературной ниве в это декадентско-революционное время? Отвечаю: никаких. А сделано очень много: нива вспахана, теперь у нас есть литература» [7, с. 303].

В материалах к роману «Начало века» содержится характеристика описываемой литературной эпохи с точки зрения философии: «Наша литературная эпоха начиналась борьбой мистиков с рационалистами и позитивистами: Волынский, Мережковский, Метерлинк, Ницше, прагматист Джемс, Бергсон, Бердяев, Карташев, Рудольф, Штейнер. Розанов — язычник, Мережковский — светлый иностранец. Всё — как магазин с цветами» [7, с. 293]. Пришвину не удалось завершить роман «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», но он создал значительное количество материалов для осуществления замысла, которые могут быть полезны сегодня при анализе символизма и эпохи Серебряного века в целом.

Сны часто встречаются в дневниковых записях Пришвина, в 1915 г. он так охарактеризовал явление сновидений: «Сон — это убежище для личного отношения к фактам, когда они давят вас со всех сторон, как чугунные катки давят по дороге мелкие камешки» [8, с. 149, запись от 16.02.1915]. В «Сне о змейке» главному герою видится рядом свернувшаяся на подушке очень ядовитая змейка, но бывают сны еще страшнее: «Что он идет на нее с топором, а змейка не боится топора, идет на него, высунув ядовитое жало, и он не может шевельнуться от ужаса, первый раз в своей жизни испытывает состояние двойное — бесконечного желания и в то же время немощи, как будто насквозь прокололи, как насекомое, надели на иглу и оглушили серным эфиром» [9, с. 266].

Исключительность дневников Пришвина — это, безусловно, их объем, масштаб изображаемых событий и значительный временной промежуток: хронология дневников составляет почти 50 лет (1905–1954). Эти документы писались автором практически каждодневно, что показывает масштаб событий, разговоров, философских, эстетических, нравственных рассуждений, многочисленных биографических фактов, снов, поэтического вымысла, набросков, мыслей и впечатлений, запечатленных на страницах дневников.

В работе К. Д. Гордович дневник Пришвина рассматривается как универсальный текст в силу своей многофункциональности: «Дневник характеризует личность автора; записи о событиях, настроениях передают своеобразие эпохи; читатель дневника открывает для себя замечательные по точности картинки жизни Петербурга, Ельца» [2, с. 131].

Дневник М. Пришвина предельно откровенен, напоминает исповедь или же молитву, в этом он признается в 1940 г., когда становится близок к православию: «Начинать дневник надо, как молитву, т. е. как будто в своих поступках и мыслях даешь отчет Богу. Но я не знаю, возможно ли это. Вспоминаю, однако, что о. Даниил, когда во время молитвы приходили ему разные мысли, записывал их угольком на стенах своей кельи. Так и тут надо молиться и потом главное, что приходит в голову во время молитвы, записывать» [12, с. 259, запись от 30.08.1940].

Исследователь А. Е. Горинов обнаруживает связь дневников Пришвина с поэтикой импрессионизма, выделяя такие черты, как краткость, свободная или

разорванная композиция высказывания, обилие многоточий (особенно в ранних дневниках), большое количество номинативных предложений и отсутствие четкой связи между частями предложений, наличие повторов [3, с. 138].

Я. З. Гришина, комментируя «Дневники» Пришвина 1932–1935 гг., отмечает сохранение русских литературных традиций в дневнике писателя: «В нем соединяется русская литературная традиция писательского дневника, в котором личная жизнь и творчество представляют в сплетении постоянно возникающего материала авторефлексии, с русской летописной традицией — погодовой хроникой происходящих событий в течение пятидесяти лет». Исследователь также пишет, что в дневнике нет «бытового реализма»: «Будь это факты его творческой или личной жизни, будь это общественные события, они включены в поток авторской рефлексии. Иногда одна беглая зарисовка или мысль, которая афористически аккумулирует в себе суть времени, становится штрихом в картине мира, которую рисует дневник писателя» [11, с. 865, 870–871].

Несмотря на то что в дневнике Пришвин описывает множество исторических и бытовых событий, глубины его души как автора затрагивает скорее космическое время и бытие: «В дневниках Пришвина мы видим иной объем авторского самосознания. У Пришвина нет этой полной поглощенности описанием исторических дней. В дневниках Пришвин не столько фиксирует конкретику событий своей жизни — чем был занят, с кем встречался, что видел, сколько размышляет о самом ходе жизни; стремится уловить не столько подробности и факты истории, сколько черты бытия» [5, с. 89].

Личные взгляды, воспоминания или же обычная фиксация событий свойственны дневникам Пришвина. Основные темы дневника — творчество, счастье, отношение автора и власти, любовь, богоискательство, женское движение, философские искания, война, природа и др.

Особенное место в дневниках писателя занимает отношение к символизму и его основным представителям. Дневник является для писателем площадкой для воспоминаний, порой имеет ретроспективную направленность. Например, вспоминая «Обезьянью палату» А. М. Ремизова, Пришвин записал в дневнике 1941 г. следующее: «Обезьянья палата — это странный смех, об этом смехе меня Горький спрашивал, когда солдаты фараона с крыши тащили: все смеялись. С другой стороны, как всем хотелось попасть в палату обезьян. — А что это, обезьянья палата? — спросил я Ремизова. — Да ничего, — ответил он, — просто ничего. Игрушки, иконы. Ремизов: все это как проба на людей: в них-то нет ничего, в людях, в разумниках... Нет ничего...» [12, с. 403, запись от 20.03.1941].

Пришвин пережил многих писателей-символистов, но не переставал давать оценку литературному направлению символизма и его представителям в более поздние годы. В январе 1941 г., в преддверии катастрофичной ситуации в России, писатель мысленно уносится в далекое начало XX в., где проявилось схожее отношение к нашей стране непосредственно у него и у Д. С. Мережковско-

го: «Мое созвучие с Мережковским было в отношении к России как к неведомой стране (*terraincognita*)» [12, с. 347, запись от 3.01.1941].

В 1941 г. возникает ретроспективная оценка богоискательства начала XX в.: «Определяю ошибку богоискателей и сектантов: у одних философия и поэзия подменяли веру, у других была вера, но не было свободы разума (философии и поэзии). Первым не хватало силы „отвернуться“ от себя (поэзия), другим силы „отвернуться“ хватало, но не было такой силы сознания, чтобы сделать свое богатство понятным, полезным и доступным для всех» [12, с. 370, запись от 8.02.1941].

В дневнике Пришвина встречаются диалоги с известными мыслителями». Например, писатель обращается к идеям Ф. Ницше. Интерес к немецкой культуре и философии возник у писателя еще во время учебы в Лейпцигском университете (1900–1902). Идеи философа: эстетизм, индивидуализм, свобода творчества и личности, идея сверхчеловека (в своей роли поэт-теург приобретает черты сверхчеловека), «смерть Бога» — оказались близки символистам, «считавшим, что подлинной социальной революцией может быть только революция духа, осуществление которой невозможно без изменения человеческого сознания» [8, с. 117]. Слова «Я — Бог» часто встречаются в дневниковых записях писателя, привязывая свою семантику к различным авторам. В дневнике 1923 г., комментируя циклы идей, «которые сухо засели в голову из литературы времени богоискательства», он сообщает: «Ницше сказал сверхчеловекам: „Я — Бог“ и тем самым свернул себе шею. Гиппиус говорит: „Я — это Ты в моем сердце возлюбленный“» [11, с. 279, запись от 3.01.1925].

Диалог с Ф. Ницше продолжается в процессе создания всего дневника. Пришвин считал, что над изображаемой им эпохой в «Кашеевой цепи» «висела философия Ницше». Тезис ницшеанства о преодолении человека, который низок в человеческой природе, создании сверхчеловека нашел отражение в дневнике писателя 1933 г. Это время осмысления жизни в идеологическом государстве. Во время пребывания в 1933 г. на Беломоро-Балтийском канале Пришвин понимает, что цель строительства — создание иного человека (вне философских идей), но это было стремление «перековать» заключенного в идеального человека социалистического общества.

Таким образом, дневники М. М. Пришвина, заключая в себе признаки дневникового жанра, одновременно имеют ряд особенностей, что делает их уникальными в своем жанре: исключительный объем и масштаб событий, предельная откровенность, поэтика импрессионизма, художественная составляющая (дневники — своеобразная лаборатория писателя: творческая история многих произведений начинается в дневнике), многожанровость. Кроме того, дневник становится основой самопознания Пришвина как личности, способом самовыражения и сохранения внутренней свободы при различных внешних обстоятельствах.

Список литературы

1. Архив Гос. Эрмитажа. Ф. 9. Ед.хр. 15. Л. 1.
2. Гордович К. Д. Дневники М. Пришвина как универсальный текст // Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия: материалы междунар. науч. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. Вып. 2. С. 131–138.
3. Горинов А. Е. К вопросу о жанрово-стилевом своеобразии ранних дневников М. Пришвина (1905–1914) // Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия: материалы междунар. науч. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. Вып. 2. С. 138–140.
4. Евангелие от Иоанна [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/68573>
5. Новоселова И. Г. «Дневники» М. М. Пришвина: духовный космос. Мон. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 216 с.
6. Подоксенов А. М. Фридрих Ницше в контексте мировоззренческого диалога Михаила Пришвина и Василия Розанова // *Philologos*. 2010. № 7. С. 116–131.
7. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905—1913. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. 800 с.
8. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. СПб.: Изд-во «Росток», 2007. 608 с.
9. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. СПб.: Изд-во «Росток», 2008. 516 с.
10. Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. СПб.: Изд-во «Росток», 2009. 559 с.
11. Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. СПб.: Изд-во «Росток», 2009. 1008 с.
12. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М.: РОССПЭН, 2012. 880 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. М.: РОССПЭН, 2012. 816 с.
14. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. Статьи — воспоминания — эссе: 1914–1933. М.: Советский писатель, 1990.
15. Эллис. Из творческого наследия / предисл. и публ. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 333–334.

Об авторах:

РОЗАНОВ Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Педагогического института ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет»;

ПОПОВА Нина Валерьевна, аспирант Педагогического института ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет», Вологда; e-mail: miss-nina-porova@ya.ru.